

Белла АХМАДУЛИНА:

Комсомольская правда, -
-1997. - 2 апр. - с. 4

Но нежности моей закаменелость мешает слушать мне, как их корят...

Неюбилейные мысли поэта о своих друзьях, дружестве и других материях, которые не продаются

Началось с того, что я прочла Белле: «Витка, я что-то впала в большое беспокойство. Помни об этом, когда будешь губить свое здоровье. Едва ли не в первый раз я тебе говорю серьезно. Ты милый, дорогой, прекрасный. Рассчитывай на мою нежность и верность в случае чего. И я сама ощущаю какой-то туман, от которого все болит. Мы в последнее время виделись мало и неудачно, а последнее время и вовсе не виделись. Ты у меня все время маячишь в уголке глаза каким-то любимым и жалостным силуэтом. Ну веди себя хорошо, мы всегда с тобой и говорим о тебе мечтательно и высокопарно. И не пей там. С ханжеским приветом твой верный товарищ Белла...»

Она угадала: «Это я что, Конечному пишу?» Немного тревожась на тему конфиденциальности переписки, я пояснила, что Конечный напечатал это в «Комсомолке». Но Белла, радостно улыбнувшись, заметила: «Хорошо, молодец. Я молодец, и Витка молодец».

Письмо определило сюжет разговора.

- Белла, признаюсь вам, что, когда была еще очень молода и сосредоточена исключительно на любви, меня поразили строчки: мои товарищи...

- Дружество в высоком смысле слова указано, завещано нам Пушкиным. И отчасти это подражание его умению так чудно любить тех, кого он любил. Хорошо любить так, как Пушкин любил Дельвига, и быть так любимым, как Дельвиг Пушкиным. Я по мере жизни не утратила ощущение моей кровной соотнесенности с теми, кого я могу назвать своими друзьями, со своими товарищами. Но это совершенно не значит, что мы каждую минуту видимся, в обнимку сидим на завалинке или, там, на диване. Моя дружеская любовь к Булату Шалвовичу Окуджаве так же свежа, как много-много лет назад, и мы соседствуем в дачной местности, но я не приду, не предупредив его.

- Это вне быта?

- Моя верность в дружбе была испытана в некоторых суровых обстоятельствах. И здесь я могу с любовью упомянуть Владимира Войновича и те времена, которые приходились ему весьма опасными. Я почти с ним не расставалась. Георгий Владимов теперь вдалеке, а я помню очень скорбное время, когда...

- Скорбное время?

- Ну а как его назовешь? И Владимиру, и жене его Наталье угрожали. И это была не шутка. Не шутка - власть. Вообще тогда власть если шутила, то жертвы должны были быть настороже.

- Вы такое хрупкое существо, были поддержкой своим друзьям. Вы бесстрашно писали или подписывали письма в их защиту. Вы боялись?

- Меня отвлекала опаска за них. Это как-то было для меня важнее. Мы обычно с Борисом Мессерером ездили на метро к Владимову. Мы возвращались поздно, боялись опоздать на последний поезд. И вот в этом последнем поезде сидел человек с газетой. Вагон был совершенно пустой. Он садился вплотную к нам, не скрывая, что слушает. Я подраживала...

- Вы бесстрашный человек...

- Были люди действительно бесстрашные. А я... Тут даже не в трусоватости дело, а просто что-то в мою природу не входит. Я не могла бы, как Наташа Горбаневская, выйти на Красную площадь - с детьми! - нет. Это какой-то великий поступок... Наташа претерпела за это ужасные кары... Были другие героические люди, которые терпели подлинные страдания, а некоторые просто умерли в лагерях.

- Как вышло, что вы сели писать письмо Сахарову?

- А в одну минуту. Я не надеялась спасти Сахарова - от ссылки, от другого лагеря. Я как-то себя спасала. В общем-то это, наверное, эгоистический поступок. Мне так легчало. Мне так никогда легко не было. Хотя я понимала, что за это что-то будет.

- А вы в той же «Нью-Йорк таймс» напечатали письмо в защиту Льва Копелева...

- Потому что про него какую-то оскорбительную гадость опубликовала одна газетка.

- Говорят, у вас в мастерской стояли подслушки...

- Да. У них бывали какие-то неполадки в технике, и тогда были слышны вдруг повторы, голоса... Кстати, меня никогда не интересовали имена доносчиков. Вот Войнович очень хотел знать и многое узнал, ему открыли доступ к каким-то документам. А я не хочу знать, это правда.

Проводы Владимира Войновича
(декабрь 1980 года, в мастерской)

- Почему?

- Ну, я думаю, что я и сейчас их часто вижу.

- Вы гордитесь теми своими поступками?

- Нет, они были безвыходными для меня. То есть я, по мере сил, не замаралась. И, конечно, старалась поддерживать, как могла, тех, кто претерпевал страдания. За Параджанова я просила Шеварднадзе. Ну, Шеварднадзе ко мне всегда хорош был, по грузинской слабости сердца. Я хорошее письмо написала о Параджанове, его передал Шеварднадзе. И мне был дан намек, что письмо принято. Параджанов в последний раз сидел в Тбилиси в тюрьме. Многие о нем пеклись. И его все-таки выпустили из зала суда. Как-то ко мне пришла девочка-журналистка и говорит: а почему вы письмо по Владимову напечатали в «Нью-Йорк таймс»? Я засмеялась. Она ребенок. Я говорю: вы полагаете, в 80-м году...

- ...это можно было напечатать в «Известиях»?

- ...или в «Комсомольской правде»? Тем не менее, когда положение Георгия Владимова стало предокончательным и ему грозил арест, даже дата была известна, я сообразила и написала уже не в «Нью-Йорк таймс», а Андропову. Из этого...

Если б я говорила, что родилась в 57-м году, мне бы говорили, что вы как-то странно выглядите. А так мне говорят наоборот, что вы выглядите хорошо

- Никогда.

- Почему?

- Запрет такой.

- В вашей жизни были другого рода люди, с которыми, может быть, ничего не случилось, но... Пылкая дружба и любовь с Женей Евтушенко, Андреем Вознесенским...

- Моя доброжелательность к ним неизменна. Неизменна.

- Хорошая лаконичная фраза...

- У меня было стихотворение, посвященное Андрею Вознесенскому, оно начиналось так: когда моих товарищей корят, я принимаю слов закономерность, но нежности моей закаменелость мешает слушать мне, как их корят... Они тогда подлежали хуле постоянно, и это увеличивало их славу. Теперь я не считаю, что Вознесенский нуждается в моей защите, но в моих дружеских чувствах нуждается, и я этому соответствую.

- Как вы думаете, то, чем вы стали, отчего произошло? Что вас сформировало?

- Во всякой судьбе человеческой много соучастников, подчас незаметных. Во мне все-таки разные крови смешались. Отец мой - казанский татарин. Молодым попал в Москву, жил в русской среде, в русской семье. А

всегда. Это перешло к моим детям.

- Вы, по-моему, такая же. Ваше последнее приобретение - собачка из перехода?

- Нет, не из перехода. Около «Смоленского» метро. Это не она, а он. И по нему видно, что он с человеческой лютостью stalkивался.

- Опасается людей?

- Ну, я видела собак, которые опасаются людей настолько, что как-то и человеком быть неловко.

- Белла, у вас есть такое замечательное свойство: вы не стесняетесь того, что родились в 37-м году...

- Вы имеете в виду его кровавый оттенок?

- Я другое имею в виду... 10 апреля будет ваш праздник. О чем вы молитесь судьбу?

- Ну, праздник... Это как бы исполнение долга перед теми, кто ко мне благосклонен. Такие люди есть. Я никогда не присоединяюсь к хору тех, кто говорит, что все читают детективы. Я всегда имела поддержку любящих людей. Я ощущала их любовь больше, чем неприязнь, которая, разумеется, в ком-то процветает. От этого я как-то уходила, а любовь меня всегда достигала, настигала даже в уединении. А что, я не стесняюсь... Знаете ли, если б я говорила, что родилась в 57-м году, мне бы говорили, что вы как-то странно выглядите. А так мне говорят наоборот, что вы выглядите хорошо.

- Вы считаете себя баловнем судьбы?

- Ну, исполнителем какого-то долга и удела. Баловнем в каком-то смысле.

- Судьба счастливо сложилась?

- Мне другой не надо.

- Я помню, когда умер Венечка Ерофеев, вы сказали, что он был очень счастливый человек и жизнь его была счастливой...

- Счастливый только в том смысле, что он презирал тех, кто его попирает. Он был бескорыстен. Но это ведь счастье избранныка, потому что другому кому-нибудь предложи такое счастье, он скажет: вы знаете, лучше я не буду писать знаменитые книги, но дайте мне сидеть среди мебели моего гарнитура...

- Вы считаете, что вложение капитала в товарищество - самое выгодное?

- Да.

- Наша беседа, возможно, разрушит представление многих о хрупкой Белле...

- Вы говорите: хрупкость. Но это не совсем так. Не хотелось бы наклеивать на себя что-нибудь обратное, но и организм довольно дюжий, и все-таки характер смешливый, игривый, нетяжеловесный, ненавязчивый. Как бы легко носить этот характер...

- У вас было стихотворение о циркаче, которое вы подарили Арбузову...

- А, Алексей Николаевич меня заставил это написать к его «Старомодной комедии». Запер меня в своем кабинете: потом, говорит, выйдете, у меня бар, и мы повеселимся. Говорю: знаю про ваш бар, кто же не знает. И я написала.

Ольга КУЧКИНА.